

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

DISCUSSIONS

Что происходит с теорией сегодня? Перестала ли она быть инструментом познания и преобразования мира, уступив место тактическим решениям и сиюминутным нарративам? Публикуемую статью можно рассматривать как смелую фиксацию глубокого кризиса теоретического знания не только в философии и культурологии, но и в науке в целом.

В центре размышлений авторов – фундаментальный раскол между классической мыслью-«собираением», устремленной в будущее и верящей в целостность, и современной мыслью-«рассеиванием», замкнутой в горизонтالي настоящего и «языковых игр».

Приглашаем наших читателей не только ознакомиться с аргументацией авторов, но и вступить в дискуссию: возможно ли сегодня «собираение» знания, или мы обречены на «вечное рассеивание»? Находимся ли мы на пороге возвращения теории как стратегии, или ее время безвозвратно ушло? Ответы на эти вопросы важны не только для гуманитариев, но и для всех, кто задумывается о будущем мысли и человека – ее создателя. Ждем ваши отклики.

ПЕРСПЕКТИВНАЯ / ДИСКУССИОННАЯ СТАТЬЯ

PERSPECTIVE / DISCUSSION ARTICLE

✉ **АГАПОВ Олег Дмитриевич**
доктор философских наук, профессор,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
Казань, Российская Федерация
ag.oleg2015@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6352-8505>

ТЕРЕЩЕНКО Наталья Анатольевна
доктор философских наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
tereshenko_tata@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3084-6926>

© Агапов О. Д., Терещенко Н. А., Шатунова Т. М., 2025

ШАТУНОВА Татьяна Михайловна
доктор философских наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
shatunovat@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9133-2750>

ВАК 5.10.1.

<https://doi.org/10.36343/SB.2025.43.3.005>

«Сопроотивление теории»: “to” vs “of” (о кризисе теоретического знания в эпоху «плоских» онтологий)

Аннотация. В статье анализируется кризис теоретического знания в социально-гуманитарных науках, обусловленный доминированием «плоских» онтологий в методологических стратегиях XIX–XXI вв. Эти стратегии редуцировали социально-антропологическую реальность и исторический опыт человечества, последовательно ограничив метафизику бытия человека горизонтом интересов и потребностей. В исследовании, материалом которого выступают работы М. К. Мамардашвили, Ж.-Ф. Лиотара и других, на основе сравнительного анализа выявлен переход от классической «собирающей» мысли к современной «рассеивающей», маргинализирующей теорию. Обоснована необходимость трансцендентального поворота философско-гуманитарного познания, суть которого – в принятии идей полионтизма, предполагающего коэволюцию человечества и иных форм сущего и рассматривающего человеческое бытие как основу и микрокосм всей реальности в соответствии с формулой Николая Кузанского *Homo non vult esse nisi homo* («Человек не хочет быть ничем иным, кроме человека»).

Ключевые слова: сопротивление теории, трансценденция, «плоская» онтология, трансгрессия, полионтизм, гуманитарное знание, философская футурология, трансцендентальный поворот.

Введение. Не так давно авторам пришлось участвовать в работе диссертационного совета, где защищалась диссертация. Докторская. Хорошая. В отзыве одного из оппонентов (хорошем отзыве!) в перечне недостатков было высказано одно очень странное замечание: работа излишне теоретична. И речь шла не о том, что выводы ее нельзя использовать при отладке станка с ЧПУ или при проведении предвыборной кампании. Речь шла о философском содержании. В ситуации, когда разговоры о кризисе стали чем-то вроде привыч-

ной приправы к любому разговору, вопрос, который авторы поднимают в данной статье, может показаться проходным: еще и кризис теории! Однако, как нам видится, это вопрос о *выживании* не только философии, но и научного знания в целом, ведь под прицел попадает не просто та или иная теория, а теория как способ организации, функционирования и развития знания. И маргинализация теории как таковой есть симптом этой сложной проблемы. Сразу оговоримся. Мы не будем говорить о достижениях современной нам науки

или об отсутствии таковых, как не будет говорить и о появлении некоторых философских направлений, представители которых (иногда достаточно интересные) щедро делятся с нами своими идеями. Нас интересует именно теория, ее возможности и границы.

Конечно, можно списать возникающие проблемы на то, что общекультурная ситуация, социальные условия, размывание предметности знания не способствуют формированию теории того или иного объекта. Однако, думается, основные проблемы надо искать в самой структуре теории, которая накладывается на предметность и обнаруживает соразмерность или несоразмерность ей, а также на саму машинерию создания теории. Именно поэтому в название мы вынесли заголовок статьи Пола де Мана «Сопrotивление теории» [12, с. 110]. Как известно, он использует в названии предлог «to» (resistance to). Но предположим, что мы изменили предлог на «of», тогда и обнаруживается это двустороннее движение: *предмет сопротивляется теории, а теория сопротивляется предметности.*

Герменевтика вопроса. Будем отталкиваться от двух текстов, написанных примерно в одно и то же время (рубеж 60–70-х гг. XX в.) и рассматривающих примерно одни и те же вопросы – вопросы функционирования института науки. Это работа М. Мамардашвили, Э. Соловьёва и В. Швырёва «Классика и современность...» [11] и книга Ж. Лиотара «Состояние постмодерна», которая имеет подзаголовок «доклад о знании» [9].

Предвидим недоумение: текстам более полувека! Что, нет ничего посвежее? Нет. И не могло быть. Так как процессы, которые начались в это время, разворачивались по сей день и до сих пор не получили своего разрешения. Итак, мы видим две версии подхода к одному и тому же по сути явлению. Авторы «Классики и современности...» пишут о сложности теоретического схватывания реальности в ситуации смены *характера субъектности*. Ж. Лиотар пишет о том, как знание может существовать в ситуации десубъективизации. И в обоих случаях вопрос так или иначе сводится к проблемности теоретизирования в эпоху пост(не)классики. Обе версии заочно полемизируют и диалогизируют друг с дру-

гом (возможно, их авторы при написании работ даже не подозревали о существовании другого текста, не будем это даже выяснять), выступая по отношению друг к другу как тема и противосложение в музыкальном произведении. Причем в качестве темы может выступать то одна, то другая позиция. И, соответственно, будет меняться общая картина.

Авторы будто рассматривают одну и ту же ситуацию с разных точек вненаходимости. Будем относиться к этим работам именно как к текстам в бартовском понимании – как к пространству эксперимента. Поместим в их поле свои задачи, а именно – задачи рассмотрения теории в логике того, что может и должно быть в силу возможности и необходимости.

В фокусе авторов «Классики и современности...» современная (в терминологии авторов, типичной для своей исторической и социальной эпохи, буржуазная) философия. Оставим в покое этот методологический штамп, вполне понятный для того времени. Тем более что (это совершенно понятно сегодня) философия (теория), которая должна была быть помыслена альтернативно буржуазной, была столь же буржуазна [15]. Пролетарскость и буржуазность – это два лика понимания социальной а-исторической универсальности, которые рождаются на полях истории, ставшей наконец всемирной. Поэтому назовем ее современной – как авторам, так и нам. То, что делают авторы «Классики и современности...», можно назвать по-разному. Сами они говорят об анализе изменений условий и механизмов производства знания. На взгляд авторов, речь идет о развитии культурных индустрий, об изменении институционального устройства науки, о позициях экстернализма и интернализма в понимании процесса познания, а также о разных вариантах описания процесса производства знания. Мы предлагаем другой фокус: граница, которую авторы полагают между классикой и современностью, – это граница мысли, разворачивающейся в форму теории, и мысли, сопротивляющейся теории, хотя, возможно, теории сопротивляется реальность.

Теорию будем понимать очень классично и просто: форма упорядочения идей

и принципов мышления в рамках некоторой гипотезы, позволяющая эксплицировать некоторые повторяющиеся связи (закономерности) в той или иной области реальности (назовем ее объектом) и прогнозировать ее развитие, а также предположить некоторые стратегии регулирования и управления объектом. Момент прогнозирования чрезвычайно важен и позволяет предположить, что теория – это всегда некоторая футурология, а следовательно – стратегия развития. Кроме того, это позволяет нам говорить о границах не только в конкретно-историческом плане, но и в плане абстрактно-теоретическом.

Иначе говоря, мы привыкли говорить о границе классики и неклассики, которая проходит по «меридиану» Г. Гегеля. Но если говорить о возможности прогностики (что, кстати, никогда не отрицалось классической наукой), то можно будет увидеть, что таких границ было много. Фактически граница, которую М. Мамардашвили, Э. Соловьёв и В. Швырёв проводят между классикой и современностью, является границей между мыслью, укладывающейся в теоретическую парадигму, нуждающейся в ней, и мыслью, сторонящейся теории, маргинализирующей ее. Скорее всего, во втором случае мы получим своеобразную научную мифологию. Или, точнее, превращение науки как культурно-исторического феномена в миф науки. В социально-историческом плане это эпохи, которые можно назвать революционными в философском, а не в политическом смысле этого слова.

Итак, что характеризует *машинерию мысли* в формате теории? Авторы «Классики и современности...» называют несколько важных условий. Главным из них является субъект, который и является основанием теории. Именно он определяет оптику усмотрения мира (объекта), которая (оптика) дает возможность видеть этот мир целостно, системно, законосообразно и позволяет проследить траекторию его развития. Именно такой субъект появляется в ландшафте классической философии. Однако появление такого субъекта – результат действия определенных факторов. Он является некоторым фронтменом ситуации жизнедеятельности некоторого коллективного организма, живущего в условиях

«предустановленной гармонии» коллективной разумности. «Классическим философским учениям была свойственна просветительская, миссионерская установка, – пишут М. Мамардашвили, Э. Соловьёв, В. Швырёв. – Их автор чувствовал себя монопольным обладателем истинных очевидностей, которые он должен донести до массы. Масса – носительница предрассудков, но (последнее важно подчеркнуть) предрассудков *не изначальных, несубстанциальных*¹, обусловленных исключительно ее зависимым положением, отсутствием досуга, который мог бы быть использован для интеллектуальных занятий, для методически последовательного прояснения обыденных представлений. Предполагалось, иными словами, что массовый потребитель духовной продукции отделен от ее производителя лишь условностями своего социального положения... в принципе между их сознаниями существует своего рода “предустановленная гармония”, которая обеспечивается тайной причастностью всех людей к одним и тем же очевидностям, поддающимся демонстративно-рациональному выражению. Свой досуг, свою социальную привилегию на умственный труд классик переживал как привилегию метафизическую, как право мыслить за других» [11, с. 215]. И далее: «Философское мышление – это по преимуществу мышление за другого» [11, с. 216].

Мы позволили себе такую длинную цитату, потому что она демонстрирует важный момент: мышление в период классики было перспективно и ретроактивно принципиально общественным. Иными словами, этот «другой» в других (простите за повтор) обстоятельствах мог бы мыслить сам, но не сложилось. И тем не менее этот «другой» осуществляет своеобразную легитимацию мысли ученого, философа, создает его социальную, точнее – социокультурную базу. Мышление «за другого» было в определенном смысле мышлением «вместе с другим», так как мессианская установка изначально задавала ему (мышлению) вектор развития, стратегию движения вперед. К тому же отношение к познанию как к доверенной тебе миссии созда-

¹ Курсив и скобки авторов цитаты – Примеч. авт.

вало интересную картину: знание еще почти откровение, хотя уже субъектом мыслится человек, а не Бог, но оно фактически не принадлежит познающему. Оно мета-индивидуально. В этой ситуации нет проблемы отчуждения, которое будет так болезненно переживаться в условиях современности. Важно это было еще и потому, что авторы несколько утрачивают оптимизм по поводу характера мышления в эпоху современности, когда меркнет ареол яркой, центрирующей мысль личности, размывается индивидуализированный субъект в обстоятельствах, которые авторы называют *системотехникой*, говоря, что в это время интеллектуальная деятельность вытесняется на периферию, а периферия утрачивает ощущение ценности этой деятельности. «Традиционный, классический путь теории все чаще заменяется в этих случаях созданием такого образования, которое можно было бы назвать самодействующей системотехникой» [11, с. 238].

Анализируя состояние мысли в этот период, авторы «Классики и современности...» приходят к малоутешительным выводам. Характерной особенностью организации духовного производства в новых условиях становится то, что они называют вытеснением интеллектуальности. И еще, с грустной иронией: «Победное шествие науки, которая “не доведена (или не полностью доведена)¹ до сознания”, – совершенно специфическое явление XX столетия» [11, с. 222].

Однако, как нам представляется, с точки зрения структуры субъекта картина не так уж сильно изменилась. То, что авторы с точки зрения экспликации машинерии мысли назвали системотехникой, представляет собой в целом того же коллективного субстанциального субъекта, только в ситуации ослабевающих, а иногда и разорванных связей, когда «предустановленная гармония» исчезает. Ж. Делёз будет называть это несобраным субъектом, слово «несобранный» здесь очень важно, так как показывает необходимость включить в анализ еще один тезис М. Мамардашвили, говорившего, что философия всегда есть мысль собирающая. Собираение – ее родовая отличительная черта.

Рассеивание – показатель кризиса [10, с. 10].

Таким образом, изменение статуса теории связано, вероятно, не столько со структурой субъекта познавательной деятельности (хотя, безусловно, это изменение важно), сколько с изменением внешних познанию условий его осуществления. Этот процесс смещения интереса и изменение представлений о ценности деятельности теоретика прекрасно и разнообразно описан З. Бауманом [3], С. Жижекком [5], etc. Но важна последняя точка в предложении.

Изменение в конечном счете связано с исчерпанием экстенсивной фазы развития общества и необходимостью принятия решения о перспективах дальнейшей деятельности. Будет ли мыслитель идти по пути исследования объективных условий и причин развития исследуемого феномена, или он будет создавать новую мифологию изучаемого объекта, то есть выведет фактор времени, истории, развития за рамки своих интересов (вспомним, Р. Барт говорит о том, что миф крадет у предмета его историю, помещает его во вневременное пространство, фиксируя вечность ситуации [2, с. 320]). И если М. Мамардашвили, Э. Соловьёв и В. Швырёв пытаются найти варианты такого движения в будущее, то Ж. Лиотар как бы находится уже по ту сторону принятого решения о создании новой мифологии. И в этом их принципиальное различие. Ж. Лиотар как бы говорит, что всё, настала эра рассеивания. Собираение, концептуализация для поиска стратегии дальнейшего развития невозможна! Такая концептуализация приводит к созданию больших нарративов, логика которых подвергается им критике.

Итак, почему мысль современности чурается теоретичности, почему наука и философия последних 40–50 лет предпочитает стратегию рассеивания стратегии собирания? На первый взгляд (мы только что об этом говорили) структура познающего субъекта почти не изменилась. Субъект так же композиционен, но изменилась его геометрия. Вертикаль, которая задавалась своеобразным «выстреливанием» теории в футурологию, в проектность, сменилась горизонталью, плоскостью. Однако это привело к очень серьез-

¹ Скобки авторов цитаты – Примеч. авт.

ным изменениям. Наука, которая, безусловно, была социальным идеалом и образом, задающим общее направление развития, теряет свое привилегированное место. Несмотря на то, что социологи говорят об «обществе знания», это общество вовсе не становится обществом, где наука (а в классике это практически всегда равно теории) играет первую скрипку. В ситуации «вытеснения интеллектуальности» не только возникают доктрины, «претендующие на общественное влияние, даже несовместимые с научно-теоретическим знанием», они начинают говорить от имени науки, пишут авторы «Классики и современности...», преподносятся от имени науки. «Перед... философами возникает новая, почти неизвестная классической философии задача – задача выделения научного знания из потока “научообразных”, псевдонаучных образований» [11, с. 241].

Отметим: перед философами! Ж. Лиотар отмечает этот же факт несколько с иной стороны. «Научное знание – это еще не все знание, оно всегда было “сверх положенного”, в конкуренции, в конфликте с другим сортом знания, который мы будем называть для простоты нарративом и характеристику которому дадим позже. Это вовсе не значит, что последний может одержать верх над научным знанием, но его модель связана с идеями внутреннего равновесия и дружелюбия (convivialite), в сравнении с которыми современное научное знание имеет бледный вид, особенно, если оно должно подвергнуться экстерииоризации по отношению к “знающему” и еще более сильному, чем прежде, отчуждению от своих пользователей» [9, с. 26], – пишет он.

Выделим здесь несколько моментов. Во-первых, научное знание сталкивается с отчуждением гораздо более сильным, чем отчуждение как необходимое овнешнение для понимания собственной природы, для деятельности самосознания. Это отчуждение связано с разрывом связей в структуре познающего субъекта классического типа. Разрушение (а точнее – отказ от) «предустановленной гармонии» делает знание ситуативным эффектом-в-себе, неким следствием без причины. Знание утратит связь с истиной, которая и была результатом наличия этой преду-

новленной гармонии. Истина не принадлежала никому. Она просто была. И движение к ней было бескорыстным и неутилитарным, как отношение к прекрасному. Именно поэтому с истиной было бессмысленно спорить. Хотя можно было спорить с ее конкретным ликом или персонажем, ее озвучивающим.

Во-вторых, горизонтально растянутой, разорванный субъект, фактор системотехники утрачивает основание и право целеполагания в научной деятельности. Оно переходит к некоторому третьему лицу, часто – институту или корпорации, которые не всегда заинтересованы в собственно познавательном результате деятельности ученого, философа, теоретика. Ито, что Ж. Лиотар отказывает науке в нарративности (в его логике это безусловный плюс), как раз и является еще одним фактором маргинализации теоретичности.

И, с нашей точки зрения, это если не минус, то причина уязвимости. Денотативный, дескриптивный характер науки выводит из горизонта ее деятельности задачи прогностики. Мысль перестает быть необходимо футурологичной, а это, конечно, и есть та причина, по которой, как говорит Ж. Лиотар, наука «имеет бледный вид» по сравнению с нарративными дискурсами. Без формулировки собственной мессиански сформулированной цели субъект науки умирает. «Смерть субъекта» абсолютно неизбежна. Неслучайно многие исследователи говорят об очевидной связи науки с развитием жанра фантастики (а до этого – утопии) в литературе. Маркером торможения научно-технического прогресса стала замена фантастики жанром фэнтези – из будущего в прошлое. «Под маской научности, – пишут авторы «Классики и современности...», – выступают и просто курьезные, и социально опасные концепции (как это было, например, в 20–30-е годы с нацистской расовой доктриной)¹. Формы научного обоснования все чаще используют в качестве инструмента “рационализации” вненаучных содержаний (их рационального оправдания post factum)»² [11, с. 240].

¹ Скобки авторов цитаты – Примеч. авт.

² Скобки авторов цитаты – Примеч. авт.

Картина, описанная Ж. Лиотаром, довольно парадоксальна. Сравнивая естествознание и гуманитаристику, он приводит аналогию с игроками в разные игры. Естественники «играют в кости». Они работают со случайностями и не могут их прогнозировать и подделывать свой предмет [9, с. 137]. Поэтому их знание относительно объективно, в отличие от знания гуманитариев, играющих в *бридж* и постоянно блефующих. Блеф – фактически есть, по логике Ж. Лиотара, форма знания в гуманитаристике [9, с. 138]. Рассуждение о таком знании с точки зрения истины как минимум проблематично. Однако, если мы посмотрим на условия, где возникает такое представление о науке, мы увидим, что это время кризисов, а точнее – поиска форм если не преодоления, то откладывания разрешения кризисных ситуаций. Это время, просто вызывающее к мифологии и отказу от принципа развития. Концепт смерти субъекта – лишь форма диагностики таких состояний. И здесь, конечно, невозможна теория как мысль синтеза, собирания, вертикализации.

Предмет сопротивляется теории, но и теория сопротивляется предмету, точнее, его прежней версии, тому, что Ж. Делёз называл символическим, то есть теоретически сконструированным объектом [4, с. 138]. Наступает время анализа, дисперсии, рассеивания. Такие ситуации в истории повторяются, они не новы. Фактически – это обратная сторона ситуаций кризиса, из которых теория будет предлагать выход, прописывать стратегию, цели. Мысль рассеивания будет предлагать тактику, сиюминутные, но эффективные (или просто эффективные) решения.

А. Бадью в «Манифесте философии» пишет о двух точках: точке начала философии, которую он связывает с платоновским жестом, и ситуации условного конца, мертвой философии и мертвых философов, которую он видит в современном ему состоянии философии [1, с. 62]. Платон «рвет швы», призывая выгнать поэтов из полиса. Он предлагает переход от мифопоэтического описания и изучения мира к философскому, теоретическому. Современные философы, пишет А. Бадью, неспособны «порвать швы». И в этом их беда. Они могут быть как угодно тонки и изящны, открывать

удивительные нюансы чувства и индивидуальные особенности ситуаций и персонажности, но они не могут породить новую мысль [1, с. 10]. Современная философия по отношению к Платону выбирает путь софистов [1, с. 64].

Указанные точки «входа/выхода» в истории философии и науки повторялись не раз. Именно в этих точках менялась парадигма мысли: от собирания к рассеиванию, от теории и футурологии к мифологии и цикличности. Неслучайно Ж. Лиотар будет говорить о легитимации малого порядка, которую должна освоить наука – не нарратив, а легитимация мифа. Представляется, что сегодня мы находимся также на таком рубеже. Период рассеивания заканчивается. Заканчиваются в одной точке нашего сегодняшнего дня многие циклы разных длительностей. В этой точке перехода, как всегда, два выхода: или прорыв вперед, или откат назад и умирание на обочине истории. Сегодня нужна теория. Не какая-то конкретная, а теория как способность мыслить конкретно, проективно, стратегически. Философия выходит в горизонт открытия: и здесь нужна теория как инструмент. Без теории, как говорил один известный государственный деятель, нам смерть, смерть, смерть.

В поисках выхода из мира «плоских» онтологий. Известный российский философ Г. Л. Тульчинский убежден, что открытое цифровое общество массового потребления – это «достигнутый к настоящему времени цивилизационный фронт человечества. Механизмы, ткани этой реализации вполне понятны тоже: рыночная экономика, урбанистический образ жизни, формирование третьего сословия (граждан, горожан, буржуа)¹ как социальной базы. В политическом плане она выражается в демократии. В эпистемическом – суть торжество рациональности» [17, с. 52].

«Плоский мир» Современности (XVIII–XXI вв.) Ч. Тейлор называет «структурой закрытого мира», выступающей квинтэссенцией секуляризма XVIII–XXI вв., для которого характерны четыре черты: «а) тезис о смерти Бога, то есть тезис о том, что человек уже больше не может честно, открыто и искренне верить в Бога; б) некую историю вычитания,

¹ Скобки авторов цитаты – Примеч. авт.

призванную описать подъем современного гуманизма; в) определенные взгляды на истоки религиозной веры и ее место в извечной структуре людских мотиваций, фундаментирующие историю вычитания... г) взгляд на секуляризацию как на простое отступление религии под напором науки, технологии и рациональности» [14, с. 49].

Мир Модерна (XIX–XXI вв.) – это мир, утративший «вертикальное измерение» – «от простейших потребностей до ценностей трансцендентного порядка (истина, добро, красота, Бог)». Причина этого состоит в том, что «массовое общество на основе рыночной экономики по мере развития массового потребления... “съело” ценностную вертикаль»¹ [17, с. 53]. Например, в ходе игры на понижение мы отказывались от категории «истины», что сегодня привело к эпохе *постправды*, где, как показывает П. Д. Тищенко, «философия, религия, наука, медицина, практическая мудрость “людей с улицы” – оказываются равноправны и в равной степени (хотя в разном отношении)² ответственны за разрешение проблем жизни и смерти, которые возникают в острейших биоэтических ситуациях» [13, с. 76].

Парадоксально, но XIX–XX вв., ставшие временем расцвета социально-гуманитарных наук, стали временем утраты целостности человеческого бытия. «Номо academicus» создал целый спектр одномерных «человеков», но потерял человека как личность. Д. А. Леонтьев называет этот процесс увлечением *субчеловеческим*, находя причину в том, «что субчеловеческие формы существования оказываются менее энергозатратными, более легкими, более привлекательными как путь наименьшего сопротивления; человеческие же проявления – путь наибольшего сопротивления. Быть человеком – это *труд, затрата усилий*»³ [8, с. 107].

Разумеется, доминирование «плоских» онтологий в социально-гуманитарных науках сказалось на понимании практик «заботы о себе». Прежде всего тем, что сфера духовных

практик была исключена из богатства антропологических практик себя и табуирована. На первое место вышли социальные, психологические, соматические (телесные) практики. Тем самым из сферы практик себя была исключена духовная реальность / реальность Духа. Духовные практики как «ядро» духовных традиций превращаются в коммерческие культы медитации, йоги, ушу и т.д., где духовное развитие превращается в квест, в лайт-версию, где трансценденцию замещает трансгрессия, а «личность предстает как череда проектов, а маркетинг и PR становятся требованиями к жизненной компетентности. Функцию ориентации в мире выполняют бренды (товаров, компаний, регионов, стран, идей, персон)⁴ – как социальные мифы, в т.ч. – апеллирующие к традиционной мифологии» [17, с. 53].

Итогом развития «структуры закрытого мира» (по Ч. Тейлору) выступает *биополитика* и множество конкурирующих между собой евгенистических проектов: аристократический евгенический проект, пролетарский (советский) евгенический проект, нацистский евгенический проект, рыночный евгенический проект [13, с. 25].

В политическом плане господство «плоских» онтологий привело к появлению целого спектра авторитарно-тоталитарных явлений XX–XXI вв., изменивших антропологическую динамику человеческого рода и создавших ситуацию антропологической катастрофы. Как отмечает П. Д. Тищенко, «желание самоконтроля, пронизывающее ткань обыденной жизни, встраивает человека в мощные анонимные аппараты био-власти, задающие общую топикку “заботы о себе”, инсталлирующие в бессознательное “зеркала нормы” (“модели” внешности тела и “внутренности” души)⁵. Зеркала нормы, которые в своих руках держат “другие”, генерируют боль. Идеал “настоящего человека” производит “инвалидность”, оказываясь основанием жестокой сегрегации и дискриминации “инвалидов”. Забота о генетическом благе популяции трансформируется в массовые практики политического насилия и физической экстерминации неполноценных

¹ Курсив наш – Примеч. авт.

² Скобки авторов цитаты – Примеч. авт.

³ Курсив наш – Примеч. авт.

⁴ Скобки автора цитаты – Примеч. авт.

⁵ Скобки автора цитаты – Примеч. авт.

(в индустрию абортариев или нацистских концлагерей)»¹ [16, с. 146].

Очевидно, что в острой конкуренции XX–XXI вв. победу в «игре на понижение» одержал рыночный евгенический проект или проект *homo ecomoticus*. Специфика новой техногенной модели человека состоит в том, что большинство практик (киборгизация, мутация) строятся на платформе пост- и трансгуманизма, где плоский мир человеческого бытия подлежит совершенствованию или уничтожению (на языке технократов – преобразованию). В условиях XXI в. ширится движение *сингулярного евгенического проекта* (Р. Курцвейл, Ю. Харари, О. ди Грей [18, 19, 20]). К сожалению, прав П. Д. Тищенко, что в «эпоху биотехнологий человек разыгрывает самую опасную игру – он «играет в Бога». Пытаясь разгадать загаданную на языке биотехнологий загадку себя самого (ответить на требование – «узнай себя!»), этот «бог» занят производением своего существования, сущности и числа» [16, с. 143].

Перспективы. Отвечая на вывозы постантропологизма как детища «плоской онтологии», современная философско-антропологическая программа исследований, по В. А. Кутыреву, должна «исходить не из универсального эволюционизма, прогрессизма и трансгрессии», а из «установки на коэволю-

цию его разных субстратных форм. Это есть концепт *полионтизма*. Концепт полионтизма – это Единство во множестве, предполагающее синергичное существование миров «неслиянно и нераздельно», как в Троице, однако не ограниченное только базисным минимумом бинарного мышления. С точки зрения генезиса ему соответствует не креационизм в виде возникновения из ничто, а принцип феноменологической манифестации бесконечно-вечного» [7, с. 484].

Философия и гуманитарные дисциплины создают перспективы для практик трансценденции. В частности, К. Э. Ключанов пишет о том, что «гуманитарная мысль является не столько обобщающей, сколько *оцелотворяющей*, исцеляющей. Именно гуманитарная мысль дает нам возможность понять, как человек становится человеком, как он постоянно движется по герменевтическому кругу – от целого к частному и от частного к целому» [6, с. 93]. Поэтому, на наш взгляд, одним из предметов заботы человека, шире – всего человеческого рода, должна стать забота о своей антропологической форме и статусе. В этой трансцендентальной научно-исследовательской программе ключевое место призвана занять реабилитация и ревитализация теоретического и метатеоретического уровня философско-гуманитарного познания.

✉ **Oleg D. AGAPOV**

Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov,
Kazan, Russian Federation
ag.oleg2015@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6352-8505>

Natalia A. TERESHCHENKO

Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation
tereshenko_tata@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3084-6926>

Tatiana M. SHATUNOVA

Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation
shatunovat@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9133-2750>

¹ Скобки автора цитаты – *Примеч. авт.*

**“Resistance to Theory”: “to” vs “of”
(On the Crisis of Theoretical Knowledge in the Age of “Flat” Ontologies)**

Abstract. Modern scholarship in the social sciences and humanities is undergoing a deep theoretical and methodological crisis rooted in the loss of its transcendental and value dimensions. The dominance of flat ontologies from the 19th to the 21st centuries has reduced social and anthropological reality to utilitarian needs and pragmatic interests, depriving theoretical thinking of its synthetic and projective capacities. Within such frameworks, theory becomes marginalized, while the humanities turn fragmented and descriptive, losing their power to express a coherent vision of human existence. Drawing on the works of M. Mamardashvili, J.-F. Lyotard, and others, the authors show how the transition from the classical to the post-nonclassical paradigm transformed the subject of knowledge from a gathering and creative agent into a dispersed and horizontal construct. This shift has produced an epistemic environment of dispersion, transgression, and transparency, undermining the metaphysical and futurological potential of theory. Opposing postmodern decentralization and pluralism, the article argues for a new transcendental turn in contemporary thought—one that restores theory as a form of “collecting” thinking capable of integrating diverse layers of experience into a meaningful whole. In this context, the authors introduce the concept of “poliontism” (V. Kutyrev) as a methodological alternative to both reductionist materialism and speculative idealism. The meaning and essence of poliontism lies in the co-evolution of humankind and other forms of being, where human existence is viewed as the foundation and microcosm of all reality in accordance with Nicholas of Cusa’s formula *Homo non vult esse nisi homo* (“A human does not wish to be anything but human”). Within this framework, the transcendent dimension becomes not a metaphysical abstraction but an active principle of co-evolution among human, cultural, technological, and natural worlds. Tracing the progress of theoretical consciousness from classical rationalism to posthumanist dispersion, the authors demonstrate that the decline of theory is contingent upon the loss of its transcendental grounding. Restoring this foundation means rethinking theory as both an intellectual and existential responsibility — a practice of self-transcendence enabling humanity to overcome the crisis of “flat ontologies” and reclaim the strategic role of knowledge in shaping the future. The transcendental turn and the concept of poliontism thus mark a possible renewal in philosophy and the humanities, reviving theory as both a way of understanding and a mode of being.

Keywords: resistance to theory, transcendence, “flat” ontology, transgression, poliontism, knowledge in the humanities, philosophical futurology, transcendental turn.

Литература:

1. Бадью А. Манифест философии / сост. и пер. с фр. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Делёз Ж. По каким критериям узнают структурализм? // Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. Статьи / пер. с фр., ред. и предисл. СПб. Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ, 1999. СПб.: Алетейя, 1999. 190 с. С. 130–174.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. М.: Художественный журнал, 1999. 238 с.

References:

1. Badiou, A. (2003) *Manifest filosofii* [Manifesto for Philosophy]. Sost. i per. s fr. V. Ye. Lapitskogo. Saint Petersburg: Machina. 184 p.
2. Barthes, R. (2008) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French. Moscow: Akademicheskiy proekt. 351 p.
3. Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos. 390 p.
4. Deleuze, G. (1999) Po kakim kriteriyam uznayut strukturalizm? [By What Criteria Do We Recognize Structuralism?]. In: *Marsel' Prust i znaki. Stat'i* [Marcel Proust and Signs. Articles]. Saint Petersburg: Aleteyya. pp. 130–174.
5. Žižek, S. (1999) *Vozvyshennyy ob'ekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal. 238 p.

6. Клюканов К. Э. Сообщение и бытие. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 288 с.
7. Кутырев В. А. Бытие ли ничто. СПб.: Алетея, 2009. 496 с.
8. Леонтьев Д. А. К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: материалы междунар. конф. М.: Наука и будущее, 2004. С. 107–109.
9. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетея, 1998. 159 с.
10. Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018. 296 с.
11. Мамардашвили М. К., Соловьёв Э. Ю., Швырёв В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
12. Ман де Пол. Сопrotивление теории // Современная литературная теория: антология / сост. И. В. Кabanова. М.: Флинта, 2004. 344 с.
13. Попов Д. В. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. Омск: Омская академия МВД России, 2021. 144 с.
14. Тейлор Ч. Структуры закрытого мира // Логос. 2011. № 11. С. 33–55.
15. Терещенко Н. А. Размышляя о феномене буржуазной философии // Философские перекрестки: Московско-Казанский сборник. II Садыковские чтения / под ред. М. Д. Щелкунова и Ф. Ф. Серебрякова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 215–229.
16. Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: Институт философии РАН, 2001. 177 с.
17. Тульчинский Г. Л. Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 3 (12). С. 50–56.
18. Харари Ю. Н. Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня / Ю. Н. Харари; пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
19. De Grey A., Rae M. Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs That Could Reverse Human Aging in Our Lifetime / New York: St. Martin's Press, 2007. 416 p.
20. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology / R. Kurzweil. New York: Viking Penguin, 2005. 652 p.
6. Klyukanov, K.E. (2018) *Soobshchenie i bytie* [Message and Being]. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 288 p.
7. Kutyrev, V.A. (2009) *Bytie li nictto* [Being or Nothing]. Saint Petersburg: Aleteyya. 496 p.
8. Leontiev, D.A. (2004) K differentsial'noy antropologii [Towards Differential Anthropology]. In: *Nauka i budushchee: idei, kotorye izmenyat mir: materia-ly mezhdunar. konf.* [Science and the Future: Ideas That Will Change the World]. Moscow: Nauka i budushchee. pp. 107–109.
9. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Translated from French. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya. 159 p.
10. Mamardashvili, M.K. (2018) *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noy filosofii (opyt fizicheskoy metafiziki)* [Vilnius Lectures on Social Philosophy (An Essay in Physical Metaphysics)]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili. 296 p.
11. Mamardashvili, M.K., Solovyov, E.Yu. & Shvyryov, V.S. (2010) *Klassika i sovremennost': dve epokhi v razvitiy burzhuaznoy filosofii* [Classical and Contemporary: Two Epochs in the Development of Bourgeois Philosophy]. In: Mamardashvili, M.K. *Klassicheskii i neklassicheskii idealy racional'nosti* [Classical and Non-Classical Ideals of Rationality]. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus. 288 p.
12. De Man, P. (2004) *Soprotivlenie teorii* [The Resistance to Theory]. In: *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya* [Contemporary Literary Theory: An Anthology]. Sost. I.V. Kabanova. Moscow: Flinta. 344 p.
13. Popov, D.V. (2021) *Biovlast' i zhizn': filosofsko-anthropologicheskie osnovaniya, potentsial i perspektivy biopolitiki* [Biopower and Life: Philosophical-Anthropological Foundations, Potential and Prospects of Biopolitics]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. 144 p.
14. Taylor, Ch. (2011) *Struktury zakrytogo mira* [Structures of the Closed World]. *Logos*. (11). pp. 33–55.
15. Tereshchenko, N.A. (2014) *Razмышlyaya o fenomene burzhuaznoy filosofii* [Reflecting on the Phenomenon of Bourgeois Philosophy]. In: *Filosofskie perekrestki: Moskovsko-Kazanskiy sbornik. II Sadykovskie chteniya* [Philosophical Crossroads: Moscow-Kazan Collection. II Sadykov Readings]. Pod red. M.D. Shchelkunova i F.F. Serebryakova. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. pp. 215–229.
16. Tishchenko, P.D. (2001) *Bio-vlast' v epokhu biotekhnologiiy* [Bio-Power in the Era of Biotechnologies]. Moscow: Institut filosofii RAN. 177 p.
17. Tulchinskiy, G.L. (2013) *Sub'ektivnost' i postsekulyarnost' sovremennosti: novaya transtsendentsiya ili fraktal'nost' «ploskogo» mira* [Subjectivity and Post-Secularity of Modernity: A New Transcendence or the Fractality of a "Flat" World]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 3 (12). pp. 50–56.
18. Harari, Yu.N. (2018) *Homo Deus: Kratkaya istoriya zavtrashnego dnia* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow]. Translated from English. Moscow: Sindbad. 496 p.
19. De Grey, A. & Rae, M. (2007) *Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs That Could Reverse Human Aging in Our Lifetime*. New York: St. Martin's Press. 416 p.
20. Kurzweil, R. (2005) *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking Penguin. 652 p.

Потенциальный конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Disclosure

The authors declare no conflict of interest

Вклад авторов

О. Д. Агапов – разработка концепции, научное руководство, написание черновика рукописи
Н. А. Терещенко – разработка методологии, написание рукописи – рецензирование и редактирование
Т. М. Шатунова – разработка методологии, написание черновика рукописи, написание рукописи – рецензирование и редактирование

Authors' contributions

Oleg D. Agapov – Conceptualization, Supervision, Writing – Original Draft Preparation
Natalia A. Tereshchenko – Methodology, Writing – Review & Editing
Tatiana M. Shatunova – Methodology, Writing – Original Draft Preparation, Writing – Review & Editing

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Агапов О. Д., Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. «Сопроотивление теории»: “to” vs “of” (о кризисе теоретического знания в эпоху «плоских» онтологий) // Наследие веков. 2025. № 3. С. 62–73 DOI: 10.36343/SB.2025.43.3.005

For citation:

Agapov, O.D., Tereshchenko, N.A., & Shatunova T.M. (2025) “Resistance to Theory”: “to” vs “of” (on the Crisis of Theoretical Knowledge in the Age of “Flat” Ontologies). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 62–73. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.43.3.005